П. АНТОКОЛЬСКИЙ

КОММУНА 71-го ГОДА

■ ■ ■

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 9 (996)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА — 1937

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

КОМАНДИРЫ

№ 34 (949)

СТИХИ и ПЕСНИ о СТАЛИНЕ

А. Лахути
С. Стальский
А. Бергев
Бахши из Оби-Гарма
А.-И. Сафаров
К. Шамси
К. Баяртаев
Н. Мицишвили
П. Яшвили
Е. Чаренц
В. Гаприндашвили
Маймбет
С. Муканов
Ф. Бурнаш

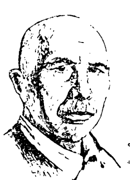
Составил Александр Чачиков

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 64–65 (907–908)

А. СЕРАФИМОВИЧ

СЕРЕЖА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 31–32
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА

АНТОЛОГИЯ НЕГРИТЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Составил и перевел Р. МАГИДОВ

№ 10 (925)
МОСКВА

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

ДВА РАССКАЗА

№ 30 (945)
МОСКВА

АРСЕНИЙ МИХАЙЛОВ

В. И. ЧАПАЕВ В ПУГАЧЕВСКЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 33 (948)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА — 1938

ИЛЬЯ ИЛЬФ и ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

ПОЕЗДКИ и ВСТРЕЧИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 28 (943)
МОСКВА

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

НОВЕЛЛЫ

ИЗ ЦИКЛА

„ТЫСЯЧА“

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЁК»
№ 25–26 (868–869)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ПОВЕСТЬ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 32 (947)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

КОММУНА 71 ГОДА

Журнально-газетное об'единение
Москва 1937 г.

Ответ. редактор Еф. ЗОЗУЛЯ Техред М. Зелинская

Издатель Журнально-газетное об'единение. Изд. № 62

Уполномочен. Главлита Б—11316. Зак. тип. 89. Тираж 50 000

Статфор. $А_к$—105×148 мм. 1¼ п. л. Кол. зн. в 1 п. л. 43.008

Кн. сдана в набор 5/II 1937 г. Подп. к печ. 4/III 1937 г.

Типогр. и цинкогр. Жургаза. Москва. 1-й Самотечный, 17.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Ни архивов, ни крох со стола
«Исторического отношения».
Что погибло, истлеет до тла.
Но не пепел нам будет мишенью,
Не событья рассказ понесут,
Не затем он тревожен и горек.
Если хочешь ты п р а в д ы, историк,
Будь пристрастен, как должен быть суд.

И за мною.
По дагерротипам,
Датам ранних смертей, городам,
По газетным столбцам и по кипам
Клеветы, по горячим следам
Лжесвидетелей в мертвой Гоморре,
Уцелевших под серным дождем, —
Как выходят в открытое море,
Мы в открытое время войдем.

Время окон, распахнутых настежь,
Время рук, голосующих за,
Глоток сорванных, бурных ненастий,
Во всю ночь не сомкнувших глаза.
Сколько к чорту размытых рогаток,
Сколько к матери сбитых божеств,
Сколько ласковых, толстых, богатых,
Потерявших осанку и жест.
Сколько очередей у пекарен,
Мглистых сумерек, газовых ламп.
Город скован осадой, ошпарен
Перемирьем, разбит пополам.

Нахлобучь свою шляпу и молча
Стань у входа, подняв воротник.
Тут узнаешь скорей, чем из книг,
Чье лицо человечье, чье волчье.
Рвань афиш, облепившая столб,
Блузник с клейстером, тряпкой и кистью,
Обладатель насущных для толп
Свеженабранных завтрашних истин.
Баррикада. Булыжник. Жара.
Порох. Пыль. По началу такому
Сразу вся узнается игра.
Все — как в дымке. И все так знакомо.
Дальше. Дальше.
Вот винным пятном
Кровь неясная, как суеверье.

Желтый кузов кареты вверх дном
На каком-то песчаном бруствере.

Этот город похож на Париж.
Чем? Каштанами? Пеплом жаровен?
Женской прелестью, аспидом крыш?
Смесью винного сока и крови?
Он похож и на наше вчера.
И когда, шароварами рдея,
Вспоминает мотив «Ça ira»
Рослый национальный гвардеец, —
Чем он старше любого из вас,
Современники бури московской?
Так, на собственный голос дивясь,
На эстраде кричал Маяковский.

Но смотри!
Этот старый Париж,
Как семнадцатилетний вития,
На рассвете растрепан и рыж.
Его сны — как пружины витые
От метафор.
Он мир накренил,
Как чернильницу.
Это не плохо.
По строкам непросохших чернил,
Как из зарослей чертополоха,
Как из дыма печей и горнил,

Сразу вся узнается эпоха.

Это их девятнадцатый век.
Он разобран для нас на цитаты,
И оттуда глядится в двадцатый
Чернотою обугленных век.
Узнаешь это время, товарищ,
В полыхании майской грозы.
Эти рвы, эти бреши пожарищ,
Эти факелы — наши азы.

И когда на Монмартрских высотах
Мановеньем руки Галифе
Переметят десятых и сотых,
Чтобы вычеркнуть в смертной графе;
И когда над лафетами пушек,
Над безмозглой божбой канонад,
Над тоской протоколов, распухших
От доносов, над тюрьмами, над
Буржуазками в наглых турнюрах,
Чьи сердца освежит ситронад,
Над кагалом жандармов понурых,
Бьющих в спину прикладами, над
Шопотами версальских агентов
Встанет солнце, чтоб сжечь их до тла,—

С той минуты создастся легенда.
А земля похоронит тела.

2. ПЕСНЯ

Еще есть множество бастилий.
Еще есть множество гнилья.
Долой владычество нуля!
Мы мало покутили.

Лон-ля.

Друзья! Сыграем в кегли или
В орлянку, старый мир деля.
Катись ко всем чертям, земля!
Мы мало покутили.

Лон-ля.

— Друзья мои! У этой старой песни
Есть вариант, куплетов семь иль восемь.
Они покажутся вам интересней,
Смешней и злободневней.

— Просим, просим.

В Версале сыром угостили
Крыс, удиравших с корабля.

Тьер плакал, всех святых моля.
Зачем мы их пустили?

Лон-ля.

Обыскивайте их подробно.
Обшарьте складки их портьер,
Перины жен, чулки гетер.
Где писк раздастся злобный,—

Там Тьер.

Мы и бород не отрастили
С тех пор, как начали играть.
А против нас послали рать.
Зачем мы их пустили?

На..!

Но Бисмарк шевельнет усами,
И Мольтке сложит чемодан.
Мы.— раз Париж еще не сдан,—
Устроим Тьеру сами

Седан.

Фельетонисты загрустили,
Кричат, что Франция в аду,
Шипят, как злые какаду,
И льют помои в стиле

Сарду.

Товарищи! Вам вывод ясен.
Гори, пожар, пока горишь,
Твой дым багров, твой факел рыж.
Сжечь эту дрянь согласен

Париж.

Товарищи! Не позже мая
Забьет нам глотку их свинец.
Нас никакой не ждет венец.
Мы кончим, понимая:

Конец.

3. БАНК

Кабинет директора Французского банка

Беле.

Вы гражданин де-Плек?

Де-Плек.

Нет. Я маркиз де-Плек.
Прошу вас, сударь, сесть. Чему обязан? Чек?

Беле.

Нет. Это мой мандат. Я делегат Коммуны.

Де-Плек.

Вы? Всеблагой творец! Вы далеко не юны.
И вашим сединам иная роль пошла б.

Вы с инсургентами, с мальчишками, чей штаб
Ниспровергает все, плюет на все святыни...
Вы — там? O tempora!

Беле.

Я не люблю латыни,
Должны вы выслушать, чем вызван мой приход.

Де-Плек.

Зачем? Я не дитя. И вы не Дон-Кихот.
Служите дьяволу, любому шарлатану,
Хоть Мольтке самому,— я слушать вас не стану,
Не потому, что я директор банка... нет.
Но если б это был мой частный кабинет,
Я б не дал вам ступить и шагу от порога
И вышвырнул бы вас. Такой я недотрога,
Вам мало этого? Прибавлю: вы подлец,
Изменник нации. Довольно наконец!
Хотите драться? Что ж! Назначьте час и место.
Теперь ступайте вон. Я не боюсь ареста.

Беле

Прошу вас помолчать и сбавить тон и спесь.
Прошу не забывать, что вы на службе здесь,
Что вы обязаны принять меня.

Де-Плек.

Обязан?

Беле.

И что истерика хоть и большой соблазн,
Но слабый аргумент.

Де-Плек.

Брокар, Ляваш, Крюшон...

Сбегаются чиновники.

На помощь. Я убит, раздавлен, сокрушен.
Вот этот бородач, апостол этот жалкий,
Прикрикнул на меня и дважды стукнул палкой.

Чиновники *(почти хором).*

Маркиз! Прискорбный факт! Увы. Увы. Увы.

Беле

Эй, вы! потише там! Не забывайте, вы!
Я требую к себе вниманья. Никому не
Удастся рот зажать Парижу и Коммуне.

Мне не о чем просить. Я не проситель. Вот
Еще раз мой мандат. Здесь ни один отвод
Не в силах снять меня. Довольно тратить время.
Вам все доказано — внизу — как в теореме.
Там ждет меня мой взвод. Извольте мне открыть
Муниципальный счет Парижа.

К р ю ш о н.

Вот так прыть!

Б е л е.

Да. Повторяю вновь. Счет города Парижа.

Д е-П л е к.

Вы пьяны?

Б е л е.

Вы дурак.

К р ю ш о н.

Давайте все же ближе
Держаться существа. Вы нам страшней чумы.
Принципиально вам не доверяем мы.

Заранее на все вам возразить готовы.
Нам не существенно, откуда и кто вы.
Но если этот спор дойдет до кулаков,
Мы сбросим сюртуки — и в бой. Итог таков:
Не запугаете. Террор не длится вечно.
Вы преждевременно и несколько беспечно,
Наивно несколько надеялись на банк.
Вложили вы сюда когда-нибудь хоть франк,—
Вы лично или те, кто вас почтил избраньем?

Беле.

Прощайте! Через час мы в этот зал нагрянем
С формальным обыском, с оружьем.

Де-Плек.

Жадно ждем.

Ляваш.

Ах, гражданин Беле, теперь я убежден,
Что хоть и седы вы, но юноша-романтик.
Угрозой обыска голов нам не туманьте!
И мы не девочки. Нас не свела с ума
Вся артиллерия Монмартрского холма.
Нагряньте, ройте все. Удел лойяльных граждан

Не вмешиваться в бой, молчать и мира жаждать.
Нам дорог наш и ваш Национальный банк
И наш и ваш покой. Зачем итти ва-банк?

Беле.

Вы кончили?

Ляваш.

Вполне.

Беле.

У входа я оставил
Своих товарищей.

Де-Плек.

Вы, как апостол Павел,
Свой сторожите рай?

Беле.

Я сторожу ваш ад.

Де-Плек.

О, да,— стеной штыков и цепью баррикад!

Беле.

Я должен их ввести.

Брокар.

Повременим, быть может?
Вооруженный строй напрасно нас встревожит,
И разбегутся все. Я первый наотрез
От службы откажусь. Наш общий интерес
Диктует все-таки уступчивость и даже
Миролюбивый тон. Друг, бойтесь саботажа!

Беле.

Я начал дружески.

Брокар.

А мы кончаем. Вот,
Что предлагаю я. Послать обратно взвод.
А вам усесться здесь, чтоб досконально, зорко,
Без прений, без вражды, хоть за моей конторкой
У этого окна наш метод изучать
И, что вам следует, частями получать.
Не осаждайте нас, как вражескую крепость.
Ужели не смешно? Ужели не нелепость?..

Крюшон.

Брокар божественно логичен. Я бы мог
Прибавить. наш бюджет так сильно занемог,
Что в кассах банковских — увы — сплошные бреши.

Брокар.

Заметьте наконец: план столько же безгрешен,
Сколь смел и мужествен,— взять на себя всю честь,
Весь риск, все тягости, забиться тут, засесть,
Уйти в конторский труд от роли популярной,
От сферы боевой и так сказать — полярной
По отношенью к вам. Для вас, для старика,
Решимость в мудрости.

Беле.

Вот вам моя рука!

Брокар.

Ступайте же к своим и возвращайтесь быстро.
Мы ждем вас, как Христа, как своего министра,
Как власть в безвластии. Скорей. Скорей. Скорей.

Беле выходит

Де-Плек.

Крюшон и вы, Ляваш, постойте у дверей.
А я немедленно составлю донесенье
В Версаль.

(Брокару.)

Вы гений наш! Вам орден за спасенье.

Брокар.

Сочтемся!

Де-Плек.

Но скорей. Сейчас болван придет.

Брокар.

Где будет он сидеть?

Де-Плек.

Скорей. Версаль не ждет.

Ляваш.

Там денег требуют.

Д е-П л е к.

Послать им всю наличность.
А дальше — хоть потоп. Лишь бы не эта личность,
Не этот бородач хозяйничал у нас.
Послать им все, что есть. Все вытрясти из касс —
Бумаги, ценности в валюте и в каратах,
Все наше золото. Но я о демократах
Был мненья худшего: хотя и дикобраз,
Но тихий старичок, без якобинских фраз.

(Подходит к окну.)

А вот их армия! Вот голытьба, с которой
Велят считаться нам. Но скоро, очень скоро
Мы с ними справимся... Ага! Уже внизу
Стучат прикладами. Уф, отвели грозу!

Входит Б е л е.

Б р о к а р.

Ну-с, как дела, мой друг?

Б е л е.

Немедленно приступим
К ревизии всех книг!

Брокар.

Мы вашу дружбу купим
И рвеньем дьявольским и хваткой деловой.
Немедленно уйдем в работу с головой.
Как новая метла сметает паутину
И пыль между шкафов, так мы сметем рутину,
В чьих задыхаемся тенетах искони.
Послушайте, Ляваш, где книги?

Ляваш.

Ни-ни-ни.
Пробило пять часов, — я опоздал к обеду.

Брокар.

Крюшон, а вы куда?

Крюшон.

Как вам известно, еду
По поручению маркиза. Вот приказ.

Брокар *(останавливает одного из чиновников).*

Голубчик, где ключи и где реестры касс?

Чиновник.

Я, сударь, не курьер и не консьерж тем боле,

Беле.

Все улетучились. Вот фортель Рокамболя.
Ни кассы, ни людей, ни книг, ни денег нет.
А этот деловой, но в'едливый брюнет, —
Кого дурачит он?

(Брокару.)

Ну, что же ваше рвенье?

Брокар.

Неподходящее мы выбрали мгновенье
Придется отложить до завтрашнего дня
Ревизию всех книг.

Беле.

Но это западня!
Меня вы провели!

Брокар.

Я — вас? Ты слышишь, боже?
Я, распинавшийся, я, лезший вон из кожи,
Я, все распутавший, вдруг виноват во всем!

Беле.

Да, но погибло все!

Брокар

Отлично все спасем.
Я повторяю вновь: не торопясь, без шума,
Без лишних выпадов, — глядь, небольшая сумма
Перепадет у нас и для текущих нужд
Французской нации. Я доблести не чужд.
Мой прадед монтаньяр, член секции, мужчина
Весьма воинственный, не выслуживший чина
В анналах родины... никто не назовет
Брокаров славными... Но дух его живет
И в теле правнука, хоть он чиновник мелкий.
Я предлагаю вам не погнушаться сделкой.
Итак, — чтоб досказать все до конца, — внимай
Мне, старина Беле! Еще баланс на май
У нас не разнесен по книгам. Это значит,
Что есть солидный куш вне кассы. Он не начат.
Он вне отчетности и стало быть — ничей.
Есть у тебя башка. Довольно двух ночей,
Чтоб деньги вынести, и — поминай как звали!
Подальше от стрельбы, очередей, развалин, —
В Монако, в Бельгию...

Беле.

Так. А еще куда?
Куда еще, урод? В какие города?
Какими планами еще блеснешь, изменник?
Каких еще ничьих дашь заграбастать денег?

Ты прикусил язык. Дар речи потерял.
Какая мразь, какой трухлявый материал
Пошел на выделку твоей породы страшной?
И кто ты, завтрашний, сегодняшний, вчерашний
Наш враг и спутник наш? Ответь мне, кто ты, в чем
Твоя заманчивость? Вот ты разоблачен,
Но снова улизнешь, избегнешь всякой кары, —
Ты, господин Брокар, — ты, господа Брокары.
Расстреливать тебя, заложником держать,
Выпытывать ключи секретных шифров? Сжать
Кольцом почтительно негласного надзора?
Кого? Тебя? Шута, пародию, фразера,
Столь невесомого, что только дунь — и нет...
Ручался за тебя весь этот кабинет,
Всех кресел кожаных скрипучее величье,
Вся ваша вежливость... И вдруг такое птичье,
Нечеловечески безмозглое дрянцо.
Есть имя у тебя, есть платье, есть лицо
С прилизанным вихром, с мешками под глазами,
С морщинками на лбу.
Ты поражен. Ты замер.
На улицах стрельба. А впереди ни зги.
Ты ищешь выхода. Но выход есть. Беги!
Чего ты ждешь, глупец? Живи, пока не поздно.
Дыши, пока ты жив, не схвачен, не опознан.
Набей карманы всем, что можно унести, —
Лохмотьями валют и пеплом династий.
Ступай, раззванивай версальцам, что в Париже

Мильоны блузников безграмотны и рыжи,
Что в сердце Тюильри свирепствует чума,
Что завтра подожгут петролем их дома.
Лги, как захочется. Доделывай, что начал.
Беги, ничтожество!

Брокар делает неуверенное движение к выходу.

Но торопись! Иначе...

Брокар скрывается. Беле закрывает лицо руками.

4. ВАНДОМСКАЯ КОЛОННА

Ты рухнешь со всех пьедесталов, казенная бронза.
Орел гренадер, ты зароешься клювом в помет.
Мы выкинем, смоем, сорвем ее рано или поздно —
Трехцветную тряпку тупиц.
                                        И ребенок поймет,
Что этой поваленной куклой кончается эра.
История наземь швыряет захлопнутый том,
Здесь тот Бонапарт-кондотьер превращается в Тьера.
А Тьер — в мародера и в худшую сволочь потом.

Но эти обломки металла вот в этих минутах
Окажутся семенем будущего мятежа.
И сколько бы спин ни осталось на свете согнутых,
Они выпрямляются, слушая нас и дрожа.

Они выпрямляются, может быть не понимая,
Что, бронзу ломая, мы пушки для них сохраним.
Что здесь, на развалинах славы, двадцатого мая
Мы двинулись. И через вас обращаемся к ним.

Мы первые в мире. За нами, за нами, за нами,
По нашим расстрелянным, брошенным в черные рвы
Горячим телам, пронесете вы рваное знамя.
О, кто бы вы ни были, нас не забудете вы!

Но мы обращаемся к тем, что когда-нибудь завтра
У самого края земли, в государстве любом
Увидят сверженье колонны на сцене театра.
И эту вот пыль, что подымется дымным столбом,

И всю эту круглую площадь, когда она, дрогнув,
Распорется неумолкающим гулом, когда
Замрут и в раскачку пойдут пощаженные стогна...
Мы к вам обращаемся, будущие города!

Товарищи, слушайте! Так начинается штурм,
Потом вихревая воронка, циклон, кутерьма.
Стреляйте по идолам. Бейте по карикатурам
Из плоти, из гипса, из мрамора и из дерьма.

Стреляйте, товарищи, по несгораемым кассам,
По бабьим реликвиям, по богадельням легенд,
По стреляной дичи, по всем ресторанным бекасам, —
Да, жирная дичь — это тот же версальский агент.

Он переодет. Он не узнан и не заподозрен.
Он прячется в грязных борделях, в отхожих местах.

Ищите по запаху, — только ударит вам в ноздри.
Ищите по слуху, — пока он у всех на устах.

Обшарьте перины, набитые сплетней, как пухом,
Комоды, распертые трусостью, словно тряпьем,
Закрытые окна, где скучно и дохнущим мухам,
Где снится старухам, что завтра мы их перебьем.

На помощь! На помощь! На помощь! Еще есть надежда.
Она поднимается из напряженных тишин.
Она отражается в лицах. Врезается между
Лафетов, и клочьев афиш, и костров, и фашин.

5. ГОВОРИТ ГОСПОДИН ТЬЕР

Версаль. Тьер и Секретарь. Вдали канонада.

Секретарь.

Но что это за грохот?

Тьер.

Пустяки.

Такие звуки нас не потрясали
Еще в Париже, так зачем в Версале
Смущаться тем, что выстрелы близки?
Мы не мишень, — и слава богу, сударь.
Итак, я продолжаю.

(Берет в руку фарфоровую фигурку.)

Это вещь.

Вещь хрупкая. Вещь нежная.

Секретарь.

Отсюда

Звук канонад особенно зловещ.

Тьер.

Вещь уникум. Мечта коллекционеров.
Поверьте мне, в фарфоре я знаток.

Секретарь.

Как это близко!

Тьер.

Полечите нервы.
Как томно согнут этот локоток!
Как нежно грудь за вырезом корсажа
Круглится, вылепленная легко!
Фигурка стоит ста страниц Лессажа,
А может быть и всей Манон Леско.
Вот — Франция, какой она была бы,
Какую мы хотели бы нести —
Хоть на своих плечах (они не слабы),
Без божьей милости, без династий...
Мы мускулисты, чорт возьми! Мы можем
Натужиться. Красотке не претит,
Что старичок готов ей быть подножьем.
Хе-хе! Любовь к отчизне, аппетит,
Полет воображенья, ясность мысли
И тысячу других достоинств мне
Дает фарфор. Но почему вы скисли?
Вы кажется мечтаете?

Секретарь.

Я не...

Тьер.

Не слушали?

Секретарь.

Весь ваш и весь вниманье.

Тьер.

Да, жизнь, конечно, менее ясна,
Чем кажется на сцене иль в романе.
Но в дни, когда во Франции весна
И зелень по трельяжам заоконным
Так оттеняет неба глубину —
Провозгласить анархию законом,
Провозгласить гражданскую войну,
Пойти наперекор правам исконным
Всей нации... Извольте, я взгляну
На ситуацию с их точки зренья,
Которой сволочь эта ждет от нас.
Бой начался. Две силы на арене.
Две Франции. Два мира. Класс на класс.

Очень сильный удар. Звенят стекла.

Дружочек мой! Терпенье и смиренье!
Страдают уши, — отдых есть для глаз.

(Подводит собеседника к окну.)

Вот этот бук, — здесь отдыхал Людовик.
Вон ту аллею воспевал Парни.
Версаль запущен. Но в его тени
Мне прошлое поет, журчит, злословит.
А там фонтан, чей легендарный ток
Исполнен томной неги, как Наяда, —
Услада слуха, упоенье взгляда.
Поверьте мне — в фонтанах я знаток.
Да, да. Чудак, поэзии не чуждый,
Весь — вкус и мера, как латинский ум...
Заметьте кстати: из казенных сумм
Не брал я су на собственные нужды.
Прошу проверить. В книгах есть итог.
Пусть знают все. Пусть ведает потомство.
На честно нажитом я строю дом свой.
Поверьте мне — в балансах я знаток.

(Разворачивает парижские газеты.)

Идеология весьма простая, —
Библейская, с поправкой на Фурье.
И вот унылых эмигрантов стая
Уныло ковыряется в старье,
В гиперболах Конвента, в «Пер Дюшене»,
В том, что с повестки дедами снято.
Так между мной и ими соглашенье?
Мир между мной и ими? Ни за что!
Нет, ни за что! Ха! Я отсюда вижу

Всех, кто сидит в Отель-де-Виль, —
насквозь, —
Господ, угодных городу Парижу.
Господ, чье дело с треском сорвалось,
Господ Пиа, Мильера, Делеклюза.
Что ни фигура, — сумрачный авгур,
Жрец блузников. И мне искать союза
С какой-нибудь из вот таких фигур?
Какая мелюзга! Они не стоят
И нонпарелью набранных имен.
Расхлебывайте пойло их густое.
Собачью радость, пакостный бульон!
Фу! Это рвотное мы принимаем,
Читая бредни злобных их газет...
И все же, сударь, май остался маем.
И Тьер есть Тьер, а не какой-то дзет.
Могу рыдать над книгой, над фарфором,
Вздохнуть над водевильным тру-ля-ля.
Мой май остался маем И земля —
Рай, а не ад и не солдатский форум.

(Опять обращает внимание на газету.)

«Коварный Тьер... Кривляка Футрике...
Версальский карлик... вежливая жаба...
Диктатор деревенщины...» Как слабо!
А я, признаться, их держу в руке.
Да, да! Не удивляйтесь. Агентура

Моя доносит все про каждый час.
Я не казак, не Тамерлан, не турок, —
Имею выдержку: не горячась,
Раз пять примерив и один отрезав, —
Хап-хап! — и проглотить любой Париж.
Они пьяны. Я абсолютно трезв.
Они продешевят, а мне барыш.
Они ярятся, в крайности ударясь.
А у меня бьет зорю барабан.
Они — ребята. Я — хоть и не старец,
Но опытен. Я стреляный кабан.
Вино откупорено и начато.
Поднявший меч тем самым обречен.
Работа не для лайковых перчаток
И жалость здесь, конечно, не при чем.
Пусть господин Гюго злей Ювенала,
Слезлив, как сыр, и падок до клоак.
Потомство никогда не обвиняло
Тех, у кого есть сметка и кулак.
Потомство? Чорта с два! Не будет завтра.
Есть только мы.
　　　　　　　　Но в пафосе моем,
Чем дальше мне подсказывает автор,
Тем больше обнажается прием.
С таким, как канонада, аргументом,
Доказывать вам не к чему, кто прав.
Стрельба по лбам, по глиняным, по медным,
Звучит сильней всех Деклараций Прав.

Зане свинцовый идол государства
Есть истина, как бог и дважды два.
На форт Исси направил я удар свой.
Еще минута, пять минут, едва
Пробьет двенадцать...

Часы бьют двенадцать.

Надо дать сквозные
Депеши в Вену, Петербург и Рим.
Парижский бунт подавлен. Остальные
Детали пушками договорим.
Вы слышите? Смолкает канонада.
Форт пал. Конец. Кипит людской поток.
Версальцы бьют бегущих. Так и надо.
Поверьте — в этих штуках я знаток!

6. РАССТРЕЛ.

Стена, увитая плющом. Женщина. Навстречу ей отряд версальцев.

Офицер.

Стой, сволочь! Ага, очевидно — добыча.
Куда вам спешить, дорогая моя?
Должны вы уважить галантный обычай,
Галантную просьбу такого, как я,
Галантного и молодого сапера.
Тем более, что начинается ночь.
Тем более, что в эту смутную пору
Один только я и могу вам помочь.
Итак, вы спешили. Куда и откуда?
Куда и откуда? Вот первый вопрос.
Прошу отвечать без запинки, паскуда!
И незамедлительно.

Женщина порывается бежать. Ее хватают.

Что, сорвалось?

Так. Этого я ожидал. Очарован,
Но — ах — ожиданьем измучен вконец.
Прошу отвечать, ибо после второго
Вопроса последует просто свинец.

Женщина.

По букве закона военного времени
Должны вы меня расстрелять как шпионку.
По букве закона военного времени
Вы каждую пулю пошлете вдогонку.
По букве закона военного времени
Не ждать снисхождения от вас и ребенку.

Офицер.

Но вы-то, гражданка, совсем не подросток,
Совсем не похожи на деточку.

Женщина.

Да!
Я женщина. Я парижанка. Я просто
Мишень, чтоб расстрелянной быть без суда.
И я сознаюсь, что была коммунаркой;
Что муж мой замучен версальцами, что
Мы празднично жили и кончили жарко,
Что здесь и не жду я другого подарка,
Как смерть. Остальное свинцом залито.
Сказала я все, что могла и хотела.
И то, что сказала, бросаю в упор...

Офицер.

Постойте! Какое нам собственно дело
До вашего чувства? С каких это пор
У швеек и шлюх, у кухарок и прачек
Такие претензии? В чем ваша роль?
Не в том ли, не в том ли, что каждая прячет
Под грязным подолом горючий петроль?
Без пышных тирад, без разлития желчи,
Без криков, без жалости к тощим одрам...
Конечно, мы вас расстреляем. Но молча.
К стене!
И пожалуйста без мелодрам.

7. ИЗ ПИСЬМА

...Все кончено.
Улицы мчатся, как шквал. И стрельба
Сметает людей с баррикад, тротуаров и лестниц.
Быть может, какое-то дуло помедлит у лба.
Откуда-то выхватит ветер негромкую песню...

Затерянный в том же Латинском квартале, где ты
Росла и училась...
Но как это выразить? Слушай!
Оглохший от гула, задохшийся от хрипоты,
Я знаю одно: умереть. По возможности глуше.

О, слушай еще!
Я вылечивал их. Я хотел
Оспаривать, вырвать добычу из мерзлого морга.
А время швыряло мне груды неубранных тел,
Свой шлак, отработанный в первом порыве восторга,
Куски недолюбленных жизней, обугленных глав,
Зачеркнутых черновиков, искалеченных формул.

И все это рушится, рушится наземь стремглав —
В антонов огонь, в ампутацию без хлороформа,
В хрипящую, полную бреда палату.

Ну что ж!
Я помню до последнего часа. Ты скоро
Приедешь в Лозанну, газеты и письма прочтешь,
Заплачешь.

А голос мой, вырванный ветром из хора, —
Он неотличим от обставшей тебя тишины.
Тем лучше. Так будет гораздо надежней и ближе.
Прощай, моя молодость! Все-таки мы лишены
Условленной и окончательной встречи в Париже.

Вот месяц, как я не ложился в кровать и не спал.
Пойми. Я не жалуюсь. Это в природе бессмертья.
А там — ни границ, ни ночных пересадок, ни шпал.
Ни горя, которое не уместилось в конверте.

Прощай! О, конечно, навек.
Нам отрезаны все
Возможности двинуться. В полдень застрелен
Домбровский.
Пожар в Тюильри. Где-то там за Антеннским шоссе
Светает. Осталось одно...

1932 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. ГОРЬКИЙ

ПИСЬМА
К РАБКОРАМ И ПИСАТЕЛЯМ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 55—56 (968—969)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

В ДРЕЙФЕ

А. Новиков-Прибой в 1906 году

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 5 (920)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

АНДРЭ ВИОЛЛИС

ИНДО-КИТАЙ S.O.S

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 25 (940)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА

Д. БЕРГЕЛЬСОН

РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 42 (957)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

ПОЭТЫ КАЗАХСТАНА

Составил
НИКОЛАЙ СИДОРЕНКО

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 29 (944)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

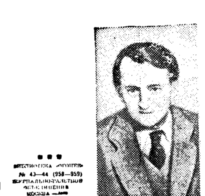
ЦЕПИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 12 (927)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

АНДРЕ МАЛЬРО

ГОДЫ ПРЕЗРЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 43—44 (958—959)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

САТИРЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 26-27 (941-942)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

ЛИДИЯ СЕЙФУЛЛИНА

МОЛОДОСТЬ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 1 (916)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВА — [illegible]

Цена 20 коп.

